

УДК 94(497.1) + 94(97).084.9СССР
ББК 63.3(4Юо) «1945»
С65

DOI: 10.244112/2409-1413-2022-1-116-137

Марина Сорокина

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА: ЮБИЛЕЙ АН СССР (1945) И СУДЬБЫ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

АННОТАЦИЯ

В статье, основанной на впервые вводимых в научный оборот архивных документах, рассматривается реакция сербских и русских ученых-эмигрантов, живших в Югославии, на проведение 220-летнего юбилея Академии наук СССР в июне 1945 г. и развитие связей с советской наукой и СССР в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ; РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ; РУССКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ; 220-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АН СССР; РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕЛГРАДЕ; РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЮГОСЛАВИИ; ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА.

А. Белич и И. Броз Тито. Автор: Stevan Kragujević. 1954 г.

На встрече президента Академии наук СССР В. Л. Комарова с И. В. Сталиным в ноябре 1944 г. было определено, что празднование 220-летия Академии наук весной 1945 г. «будет иметь громадное общественное значение» и продемонстрирует исторический вклад русской и советской науки и Академии наук, в частности, в мировую научную мысль и в «государственное строительство СССР»

---

20 ОКТЯБРЯ 1944 г. в результате наступательной операции советской Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии при поддержке войск Болгарии столица Королевства Югославия город Белград был освобожден. Спустя восемь месяцев, 24 июня 1945 г., на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы, символизировавший победу советского народа во Второй мировой войне. Среди почетных гостей, находившихся на трибунах, были участники юбилейной сессии Академии наук СССР, отмечавшей свое 220-летие, в том числе многие зарубежные ученые.

Будущее академическое торжество по поводу необычной даты стало реальностью еще в ходе войны, когда на встрече президента Академии наук СССР В. Л. Комарова с И. В. Сталиным в ноябре 1944 г. было определено, что празднование 220-летия Академии наук весной 1945 г. «будет иметь громадное общественное значение» и продемонстрирует исторический вклад русской и советской науки и Академии наук, в частности, в мировую научную мысль и в «государственное строительство СССР». На уточняющий вопрос президента АН СССР, надо ли приглашать на празднование ученых из-за границы, Сталин ответил: «Обязательно» (Груздинская, Корзун 2019: 288–289).

Весной 1945 г. Академия наук СССР получала множество поздравлений, в том числе таких, какие было совершенно невозможно ожидать в довоенное время, например из Югославии — от научных организаций «белых» русских эмигрантов. Их письма никогда и нигде не были обнародованы, но сохранились в Архиве Российской академии наук, в фонде Всесоюзного комитета по проведению 220-летнего юбилея АН СССР и являются интересным

источником по социальной истории русского научного зарубежья, позволяющим, с одной стороны, в полной мере ощутить атмосферу неопределенности в ожидания перемен, которая окружала белых русских и их сербских покровителей в освобожденной от нацистов Сербии, а с другой — услышать их голоса, обращенные к исторической родине, в период трансфера югославской власти от королевских структур к коммунистическим.

Эти голоса имеют тем более важное значение, что, в отличие от других региональных диаспор русской эмиграции межвоенного периода XX в., «югославская» русская эмиграция оставила очень мало персональных свидетельств — личных архивов и мемуаров, которые только в самое последнее время стали выявляться и публиковаться. Лишь к концу XX в. в российской историографии и общественном сознании постепенно появилось понимание того, что межвоенный Белград был одним из главных центров русского зарубежья в мире, по напряженности своей социальной, культурной и научной жизни вполне сравнимым и даже превосходящим такие традиционные центры русского рассеяния, как Париж, Берлин, Прага. Кроме того, в этот период он являлся крупнейшим научным центром русского зарубежья в Европе, что стало одним из важнейших достижений российских ученых-беженцев и их балканских, прежде всего сербских, коллег. По-видимому, это обстоятельство прямо отразилось и на том, что из всех приветствий АН СССР, полученных в 1945 г., поздравления от коллег-эмигрантов пришли только из Югославии.

В советские времена академические юбилейные даты всегда отмечались пышно и с акцентированием их международного значения. 200-летний юбилей Российской академии наук (РАН) / Академии наук СССР, проводившийся с 5 по 14 сентября 1925 г. в обеих столицах — Ленинграде и Москве, был первым в череде этих празднеств. В своих внешних формах он наследовал традиционному «юбилейному канону», сформировавшемуся за два столетия истории Императорской Академии наук. Этот

В советские времена академические юбилейные даты всегда отмечались пышно и с акцентированием их международного значения

Для подготовки юбилея-220 постановлением СНК СССР от 21 января 1945 г. был также создан Всесоюзный комитет

канон имел ярко выраженный представительский характер и предписывал присутствие на торжественном Общем собрании Академии государя императора, высших светских и религиозных лиц империи, дипломатического корпуса; провозглашение новых почетных и иностранных членов

Академии; высочайшие пожалования академиков орденами, медалями, зданиями и т. п.

Эта ритуальная сторона воспроизводилась и в СССР, но юбилею-200 придавалось особое значение. Большевистские лидеры Советской России, стремившиеся преодолеть международную изоляцию пост-Версальского мира, предусмотрительно дополняли дипломатическое «наступление» культурным. Решение о приезде зарубежных ученых на юбилей РАН принималось непосредственно на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в феврале 1925 г., а специальную Комиссию СНК СССР по организации празднования юбилея возглавил сам председатель СНК СССР А. И. Рыков (Сорокина 2005).

Для подготовки юбилея-220 постановлением СНК СССР от 21 января 1945 г. был также создан Всесоюзный комитет, но рангом ниже — во главе с президентом АН СССР, академиком В. Л. Комаровым. Ответственным секретарем комитета и практическим организатором всего юбилея был назначен академик Н. Г. Бруевич (1896–1987). Первоначально назначенное на май 1945 г., празднование академического юбилея было затем перенесено на середину июня — не в последнюю очередь для того, чтобы многочисленные зарубежные ученые могли своими глазами увидеть и ощутить всемирный триумф Советского государства и народа-победителя — Парад Победы.

Программа академических торжеств была сценарно разработана до мельчайших деталей и отличалась невероятной событийной насыщенностью: 15 июня первое торжественное заседание состоялось в Москве в здании Президиума Академии наук, 16 июня —

в Большом театре, с 17 по 20 июня проводились заседания отделений Академии, 21–23 июня гостей знакомили с достопримечательностями Кремля, а 24 июня участники юбилейной сессии присутствовали на Параде Победы на Красной площади. Кроме того, в программу входило посещение выставок и научных учреждений, просмотр спектаклей, экскурсии по окрестностям Москвы. 25–28 июня участники юбилея провели в Ленинграде и побывали в разрушенных оккупантами Петродворце, Пулковской обсерватории, Пушкине и других пригородах северной столицы. 29 июня ученые вернулись в Москву, а 30 июня они были приглашены на торжественный прием в Георгиевский зал Кремля, где встретились со всеми советскими руководителями — И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и другими (Лиманова 2020).

Организации приезда иностранных ученых, а их набиралось более ста человек, придавалось большое значение. За ними отправляли специальные самолеты, а по прилету в Москву ученых ожидали легковые автомобили и автобусы. Буквально каждый шаг представителей международного научного сообщества фиксировался на киноплёнку, которая затем трансформировалась в документальные фильмы на разных языках, пропагандистский эффект которых длился еще многие годы.

Югославию на академическом юбилее представлял президент Сербской академии наук **Александр Белич** (1876–1960), возглавлявший ее на протяжении 23 лет — с 1937 по 1960 г. Для многих коллег и современников приезд известного слависта, которого

Организации приезда иностранных ученых, а их набиралось более ста человек, придавалось большое значение. За ними отправляли специальные самолеты, а по прилету в Москву ученых ожидали легковые автомобили и автобусы. Буквально каждый шаг представителей международного научного сообщества фиксировался на киноплёнку, которая затем трансформировалась в документальные фильмы на разных языках, пропагандистский эффект которых длился еще многие годы

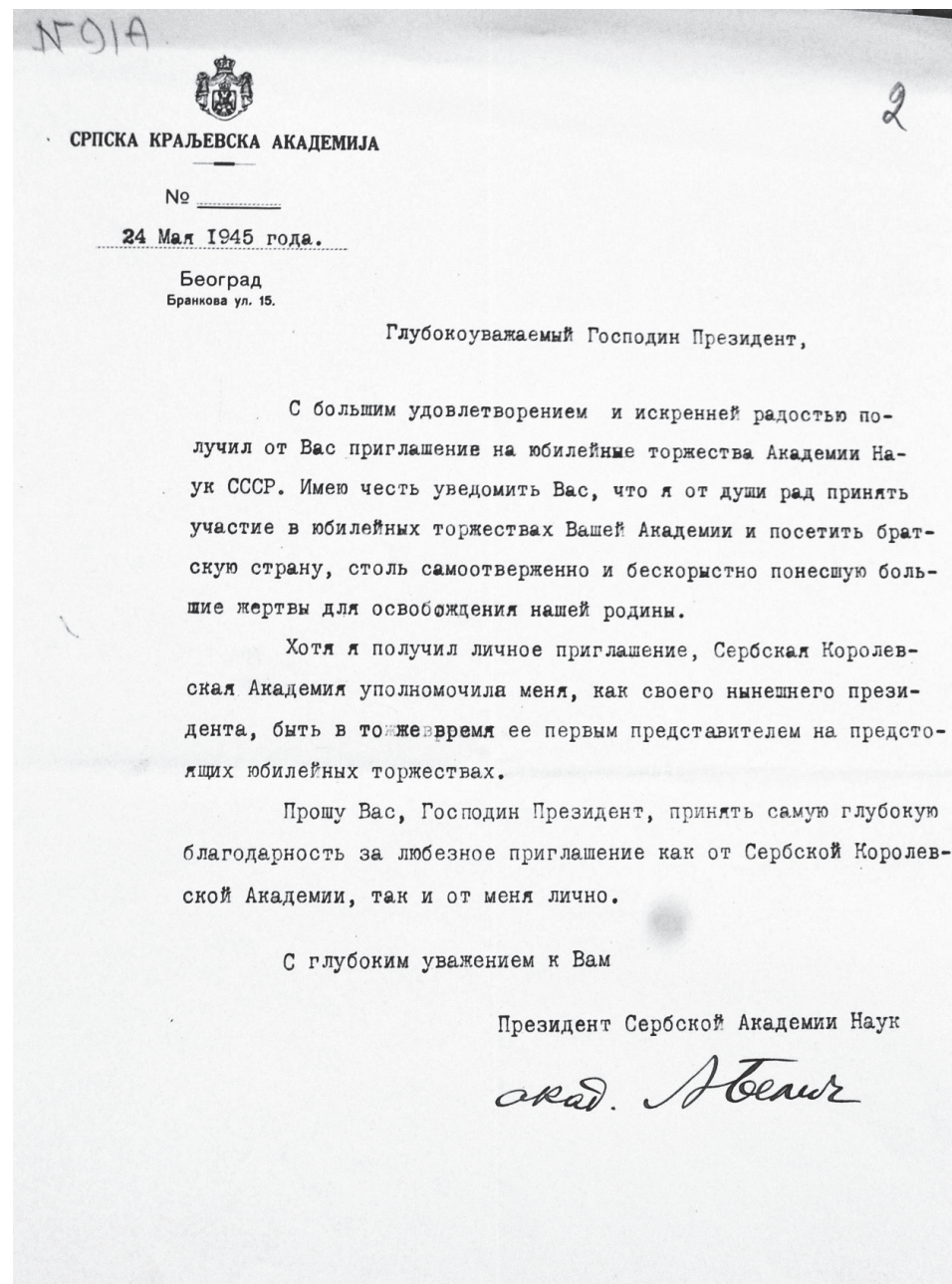

и в России, и в СССР все — от аспирантов до чиновников высшего ранга — называли Александром Ивановичем¹, выглядел и удивительно, и знаково.

Избранный членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Петербурге еще в 1910 г., имевший обширные личные связи с русскими славистами, в 1920–1930-е гг. Белич возглавлял главный государственный институт КСХС по поддержке белых русских беженцев — Державную комиссию — и был центральной фигурой всех основных акций «русского Белграда». Стремясь превратить столицу королевской Югославии в культурный и научный центр не только балканского, но европейского значения, он всемерно поддерживал интеллектуальные круги русской белой эмиграции, весьма прагматично полагая, что ее высокий образовательный, научный и культурный уровень поможет реализации этой задачи. Конечно, Белич не испытывал симпатий к Советской России, и об этом хорошо знали в СССР. Еще в 1925 г. советский Наркомат иностранных дел, где «юбилейное дело» АН курировал зам. наркома М. М. Литвинов, называл «безусловно нежелательным» его появление в СССР и отказался дать разрешение на приглашение Белича в Ленинград (Сорокина 2005: 215).

Но к маю 1945 г. конфигурация политических и межгосударственных отношений СССР и Югославии радикально изменилась, что немедленно отразилось и на прагматике двусторонних научных связей — готовность поддерживать новые отношения оказалась важнее, чем прежние «грехи». И 11 мая в Наркомат иностранных дел, где юбилей курировал заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, ушло подтверждение, что по поручению академика Н. Г. Бруевича приглашительные письма направлены в Югославию — Сербской академии наук, Белградскому университету и персонально профессорам Павле Савичу и А. И. Беличу (АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 38. Л. 6). Так, несмотря на многолетнюю и очень активную поддержку Беличем белых русских эмигрантов, сербский академик был признан желательным для СССР гостем и с тех пор постоянно приезжал в СССР.

¹ Как известно, в сербском языке нет отчества.

Письмо президента Сербской академии наук А. Белича президенту АН СССР академику В. Л. Комарову (АРАН. Ф. 159. Оп. 1. Д. 540. Л. 2)

По свидетельству очевидцев, после прибытия в Москву Александру Беличу оказывали особое внимание как в научной среде, так и в советских правительственных кругах

Сам А. Белич, на бланке все еще Сербской Королевской академии и играя названиями Академии в самом тексте¹, ответил президенту АН СССР В. Л. Комарову 24 мая 1945 г.: «Глубокоуважаемый господин Президент. С большим удовлетворением и искренней радостью получил от Вас приглашение на юбилейные торжества Академии наук СССР. Имею честь

уведомить Вас, что я от души рад принять участие в юбилейных торжествах Вашей Академии и посетить братскую страну, столь самоотверженно и бескорыстно понесшую большие жертвы для освобождения нашей родины. Хотя я получил личное приглашение, Сербская Королевская Академия уполномочила меня как своего нынешнего президента быть в то же время ее первым представителем на предстоящих юбилейных торжествах. Прошу Вас, господин Президент, принять самую глубокую благодарность за любезное приглашение как от Сербской Королевской Академии, так и от меня лично. С глубоким уважением к Вам Президент Сербской Академии наук академик А. Белич» (АРАН. Ф. 159. Оп. 1. Д. 540. Л. 2). На следующий день, 25 мая, Сербская академия направила советской АН поздравительный адрес (АРАН. Ф. 159. Оп. 1. Д. 541).

По свидетельству очевидцев, после прибытия в Москву Александру Беличу оказывали особое внимание как в научной среде, так и в советских правительственных кругах. Даже для коллег он выглядел пришельцем из другого мира. «Высокий, стройный, элегантно одетый, — фиксировал в своих записях известный славист профессор С. Б. Бернштейн, — он рядом со своими советскими сверстниками (например, с А. С. Орловым) выглядит человеком совсем другого поколения. Белич, тесно связанный с ушедшим режимом, теперь переметнулся на сторону Тито и в настоящее время играет в своей стране большую роль не только в науке, но и в политической жизни» (Бернштейн 2002: 70–71). По-видимому, именно это последнее обстоятельство, прозорливо учтенное советскими чиновниками

от науки и дипломатии, и сыграло решающую роль в особом приеме президента Сербской академии.

Если академик Белич сумел быстро адаптироваться к изменению политического режима в Югославии, то для покровительствуемых им белых русских он не сулил больших перспектив, и многие это понимали. Значительная часть эмигрантов предпочла новый исход, при содействии международных организаций переместившись за океан, в страны Латинской Америки. Созданные ими институции, которые хоть как-то продолжали теплиться даже в оккупированной Югославии, после установления коммунистической власти И.-Б. Тито быстро закрылись, а главный интеллектуальный очаг белой эмиграции в Белграде — Русский дом имени Императора Николая II был переименован — в Дом советской культуры.

Однако немало русских надеялись и вернуться на родину. По сведениям посольства СССР, к ноябрю 1946 г. более трех тысяч эмигрантов лично посетили советских дипломатов для наведения справок о возможности приобретения советского гражданства. В удивительной по положительному тону докладной записке «О русской белой эмиграции в Югославии», направленной посольством на имя В. М. Молотова 27 ноября 1945 г., отмечалось, что подавляющее большинство эмигрантов в прошлом не принадлежало к каким-либо политическим или военным белоэмигрантским формированиям, и заявлялось, что «основная масса проживающих в настоящее время на территории Югославии русских эмигрантов изменила свое отношение к советскому государству, став на патриотические позиции. <...> В настоящее время основная масса оставшихся здесь эмигрантов, особенно молодежь, проявляет большое желание приобрести советское гражданство и вернуться в Советский Союз» (Сорокина 2017: 120).

В то же время в справке уже тогда отмечалось «чрезвычайно тяжелое» положение эмигрантов ввиду подозрительного отно-

По сведениям посольства СССР, к ноябрю 1946 г. более трех тысяч эмигрантов лично посетили советских дипломатов для наведения справок о возможности приобретения советского гражданства

¹ Сербской академией наук она стала именоваться только в 1947 г.

Советскую Академию приветствовали самые значительные и авторитетные институции — Русский научный институт в Белграде, Русское археологическое общество в Югославии и Институт археологии и византиноведения имени Н. П. Кондакова

шения к ним новых югославских властей, помнивших «прошлую антисоветскую деятельность русской эмиграции в Югославии и сотрудничество значительной части эмигрантов с оккупантами в период народно-освободительной борьбы». Так, по словам автора справки, многих из оставшихся в Югославии после войны эмигрантов стали автоматически лишать югославского подданства только на том основании, что они являются русскими эмигрантами

(Сорокина 2017: 122).

При всей спорности выводов советских дипломатов приводимый ими контекст весьма важен для понимания самого факта поздравительных писем русских ученых-эмигрантов в адрес коллег из Академии наук СССР, немыслимого в довоенный период, их пафосной тональности и высокого «штиля». Советскую Академию приветствовали самые значительные и авторитетные институции — Русский научный институт в Белграде, Русское археологическое общество в Югославии и Институт археологии и византиноведения имени Н. П. Кондакова. Все три поздравления датированы одним днем — 18 мая 1945 г., то есть написаны за неделю до официального ответа президента Сербской Академии А. Белича коллеге, академику В. Л. Комарову, и адресованы одному и тому же «получателю» — Президиуму Академии наук СССР, что позволяет предположить организованность этой коллективной акции. Более того, мы предполагаем, что неформальным инициатором этой акции был сам Александр Белич, хорошо информированный о происходящем; не исключено, что он сам и привез эти письма в Москву.

Самым коротким и лаконичным было поздравление Русского научного института, подписанное его председателем, профессором-медиком **Александром Иосифовичем Игнатовским** (1875–1955), и секретарем, профессором **Александром Васильевичем Соловьевым** (1890–1971):

Александр Иосифович Игнатовский. 1938 г.

«В знаменательный день 220-летия Академии наук СССР Русский научный институт в Белграде шлет горячие приветствия высшему светочу советской науки, лучами славы которой озарен теперь весь мир!» (АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 545. Л. 1.)

Нередко считается, что Русский научный институт, учрежденный в Белграде в 1928 г., находившийся под покровительством короля **Александра I Карагеоргиевича** (1888–1934) и финансируемый югославским правительством, был закрыт немецкими оккупационными властями в 1941 г., однако это не так. Бывший своего рода мини Русской академией наук за рубежом, институт имел шесть отделений (философии, социальных и исторических наук, языка и литературы, естественных и математико-технических наук, военных наук) и за чуть более десять лет своего существования сумел выпустить 17 томов научных «Записок». Но главную известность ему принесли опубликованные в 1931 и 1941 гг. под его грифом два тома «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом», ставших на десятилетия главным и нередко единственным источником сведений о научной работе российских ученых-эмигрантов со всего мира. Тем не менее после окончания Второй мировой войны Институт был закрыт, и письмо советской Академии стало, по-видимому, едва ли не последней его акцией и своего рода просьбой о поддержке и покровительстве в новых условиях.

Не менее драматично сложилась и послевоенная судьба главных «подписантов». В 1947 г. профессор А. И. Игнатовский был вынужден бросить свою клинику в Белграде и уехать сначала в Скопье, а затем, проехав всю страну с юга на север, оказался в словенской Есенице, совсем близко от австрийской границы, куда, по-видимому, и стремился. Профессор А. В. Соловьев также покинул Белград в 1947 г. и с ноября стал деканом юридического факультета Сараевского университета в Боснии. Еще через два года, в октябре 1949 г., он был репрессирован югославскими властями по надуманному обвинению в поддержке Сталина и Коминформа и после освобождения в декабре 1951 г. уехал в Швейцарию к дочери.

Русское археологическое общество в Югославии, также направившее АН СССР поздравление, было старейшим русским эми-

**Александр Васильевич Соловьев. 1950-е годы.
Собрание Е. И. Шайкович (Сербия). Публикуется впервые**

грантским научным сообществом Югославии. За подписью (возможно, и авторством) своего бессменного председателя, крупнейшего слависта и профессора Белградского университета **Александра Львовича Погодина** (1872–1947), оно так эмоционально обращалось к советским коллегам:

«В славные дни окончательной победы над злым врагом, мнвившим поработить народы Советского Союза и захватить широкие пространства русской земли, Академия наук СССР празднует 220-летнюю годовщину своего основания великим гением Петра, победителя иноземцев и культурного преобразователя. К этому дню, когда Академия может с гордостью оглянуться на свою двухвековую научную работу и особенно на свой ценный вклад в дело героической

А.Л. Погодин

борьбы с фашистскими захватчиками, Русское археологическое общество в Югославии шлет Академии наук СССР свои сердечные поздравления и пожелания дальнейшего расцвета и преуспеяния.

Основанное в Белграде частными стараниями в 1920 г., Русское археологическое общество старалось своими скромными силами разрабатывать вопросы русских и славянских древностей и культурной истории, принимало участие в архивных разведках и археологических изысканиях, выпустило три тома своих Сборников. И сейчас, когда славянской науке, освобожденной от фашистского ига, и обновленной русской культуре в великом Советском Союзе предстоит блестящее будущее, мы готовы всеми своими небольшими силами служить тому великому культурному делу, во главе которого стоит мощная и славная Академия наук СССР» (АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 546. Л. 1).

С момента основания Русское археологическое общество находилось под покровительством княгини **Елены Петровны** (1884–1962), урожденной принцессы Сербской, вдовы убитого великого князя Иоанна Константиновича (Романова) и родной сестры короля Александра Карагеоргиевича, и на пике своей деятельности насчитывало свыше 70 членов. Оно тесно сотрудничало с югославскими, особенно сербскими, учеными, исследовало архивы, устраивало научные экспедиции и чтение публичных лекций не только по археологии, но и по всей повестке истории, искусства и славянской культуры. Три выпущенных Обществом объемистых тома «Сборника Русского археологического общества» сохраняют свое научное значение по сей день.

В отличие от Русского научного института, называвшегося АН СССР светочем «советской науки», Археологическое общество, распущенное оккупантами в 1941 г., но, как видим из приводимого письма, не принявшее этого решения, подчеркивало идею «славянской науки» и противостояния «иноземцам» и также предлагало сотрудничество «славной» Академии наук СССР. Однако и оно не состоялось, а 16 мая 1947 г. А. Л. Погодин скончался.

Наконец, третье, самое развернутое, поздравление АН СССР получила от знаменитого Института археологии и византиноведения имени Н. П. Кондакова. В нем говорилось:

«Правление Института археологии и византиноведения имени Н. П. Кондакова, пребывающее в братском югославском Белграде, приносит Академии наук СССР самые искренние и горячие поздравления к 220-летнему юбилею славного ее существования.

Основанный после смерти Н. П. Кондакова в 1925 г. в Праге, Институт многолетней своей работой в Праге, а затем и в Белграде (вплоть до своего разрушения немецкой бомбой и закрытия немецкими оккупационными властями), объединил вокруг себя в качестве своих членов и сотрудников, наряду с русскими учеными и целый ряд виднейших славянских, западноевропейских и американских специалистов, работающих в области византиноведения и археологии. Будучи по широте своей исследовательской работы международным научным учреждением, Институт имени Н. П. Кондакова первой своей целью всегда полагал служение русской науке и культуре. Поэтому правление Института считает своим правом и радостным долгом в наступающий праздничный для русской науки день приветствовать Академию наук СССР, являющуюся высшим средоточием и самым славным выражением русской научной мысли, и горячо желает ей дальнейшего процветания во славу русской науки.

Юбилей Академии наук Советского Союза — подлинный праздник русской науки и культуры, особенно знаменательный и особенно радостный сейчас, после исторической победы доблестной Красной армии — спасительницы Славянства, победы, явившейся не только великим торжеством русского оружия и русской национальной мощи, но и торжеством света человеческой культуры над мраком фашистского человеконенавистничества» (АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–2).

Несмотря на широкое использование риторики «славянства» и «русскости», главный фокус поздравления кондаковцев, подписанного председателем института, профессором Белградского университета, а в недалеком будущем — действительным членом Сербской академии наук и искусств, **Георгием Александровичем Острогорским** (1902–1976), и членами правления — уже известным А. В. Соловьевым, Дм. Анастасиевичем и **Владимиром Алексеевичем Мошиным** (1894–1987), был направлен на категорию «международное», что отражало многолетнюю научно-организационную

Георгий Александрович Острогорский. 1950-е годы. Собрание Е. И. Шайкович (Сербия). Публикуется впервые

После конфликта с И. В. Сталиным в 1947–1948 г. титовский политический режим начал последовательно высылать и выдавливать ту, уже совсем немногочисленную, часть русской белой эмиграции, которая не желала принять югославское гражданство и новую идеологическую реальность. В свою очередь, советские власти также не стремились заполучить «бывших» граждан, и русская диаспора в Югославии фактически прекратила свое существование как институциональный феномен

стратегию института (Сорокина 2020). Частично переехавший в 1938 г. в Белград Кондаковский институт был также принят под высочайшее покровительство регентом Югославии князем **Павлом Карагеоргиевичем** (1893–1976) и получал финансовую поддержку от югославского Министерства просвещения вплоть до трагедии 6 апреля 1941 г., когда немецкая бомба уничтожила его помещение, коллекции и убила сотрудников. После Второй мировой войны в Праге и Белграде неоднократно предпринимались попытки реанимации Института, вплоть до нового обращения о поддержке к президенту АН СССР в конце 1946 г., однако они не привели к положительному результату, и в 1953 г. он был окончательно закрыт.

В отличие от коллег профессиональная судьба Г. А. Острогорского сложилась исключительно удачно — в 1948 г. он был назначен директором основанного им же Института византиноведения Сербской академии наук и возглавлял его 25 лет, до 1973 г. Член-корреспондент (1946), действительный член (1948), член Президиума (1963–66, 1970–76) Сербской академии наук и искусств, Георгий Александрович прожил в Югославии огромную и очень плодотворную жизнь в науке.

В. А. Мошину пришлось в 1947 г. уехать в Загреб, где многие годы он возглавлял Архив Югославянской академии наук и искусств. В 1961 г. Мошин вернулся в Белград и возглавил археографическое отделение Национальной библиотеки Сербии, а с 1967 г. работал в Государственном архиве Македонии. В 1971–1974 гг. ординарный профессор филологического факультета университета в Скопье

по кафедре истории южных славян, он в 1971 г. был избран и действительным членом Македонской академии наук.

Несмотря на весомые академические позиции сотрудников белградского отделения Кондаковского института, ему, как и всем другим русским эмигрантским научным учреждениям, не было суждено продолжить свою научную деятельность в Югославии.

После конфликта с И. В. Сталиным в 1947–1948 г. титовский политический режим начал последовательно высылать и выдавливать ту, уже совсем немногочисленную, часть русской белой эмиграции, которая не желала принять югославское гражданство и новую идеологическую реальность. В свою очередь, советские власти также не стремились заполучить «бывших» граждан, и русская диаспора в Югославии фактически прекратила свое существование как институциональный феномен. Что, впрочем, совершенно не помешало русским ученым беженского происхождения — гражданам Югославии развивать профессиональные карьеры на своей «зарубежной родине» (И. Грицкат), и на протяжении второй половины XX века многие из них стали членами Сербской академии наук и искусств, возглавив различные научные институты академии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российской академии наук (РАН). — Ф. 519. Всесоюзный комитет по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. — Оп. 1. — Д. 38, 540, 541, 544, 545, 546.
2. **Бернштейн, С. Б.** Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / С. Б. Бернштейн. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2002. — 375 с. — ISBN 5-7576-0126-4.
3. **Груздинская, В. С., Корзун, В. П.** «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР / В. С. Груздинская, В. П. Корзун // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2019. — № 3 (23). — С. 288–289.
4. **Лиманова, С.** Победный парад советской науки / С. Лиманова // Родина. — 2020. — № 6 (620). — С. 122–125.

5. **Сорокина, М. Ю.** И. Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР / М. Ю. Сорокина // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017 / ответственный редактор Н. Ф. Гриценко. — Москва : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2017. — С. 114–128.

6. **Сорокина, М. Ю.** Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук / М. Ю. Сорокина // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX вв. — Вып. 3. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2005. — С. 206–235.

7. **Сорокина, М. Ю.** Российское научное зарубежье: новая экспериментальная площадка для отечественной гуманитаристики? / М. Ю. Сорокина // Советская гуманитаристика. Мечты и прагматика в 1920–1950-е годы : сборник статей / ответственный редактор Е. А. Долгова. — Москва : РГГУ, 2020. — С. 14–30.

REFERENCES

---

1. Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAS) [Arxiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN)], coll. 519: *All-Union Activity Committee on the Occasion of 220 Anniversary of the USSR Academy of Sciences*, aids 1, fol. 38, 540, 541, 544, 545, 546.

2. Bernstein, S. B. (2002), *Zigzags of Memory. Memories. Diary Entries* [Zigzagi pamyati. Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi], Moscow : Intitute for Slavic Studies, 375 p. (In Russian)

3. Gruzdinskaia, V. S., Korzun, V. P. (2019), “Jubilee, I believe, Will be a State Event...”: Documents on the History of the Celebration of the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences” [“Yubilej, kak mne kazhetsya, stanet obshhegosudarstvenny m soby tiem...”]: dokumenty po istorii prazdnovaniya 220-letiya Akademii nauk SSSR], *Herald of Omsk University, Historical Series*, No 3 (23), p. 288–289. (In Russian)

4. Limanova, S. (2020), “The Victory Parade of the Soviet Science” [Pobednyj parad sovetskoj nauki], *Rodina*, No 6 (620), p. 122–125. (In Russian)

5. Sorokina, M. Yu. (2005), “The Open Scene, or the 220th Anniversary of the Academy of Sciences” [Otkrytaya scena, ili Dvuxsotletnij yubilej Akademii nauk], *At the Turning Point: Russian Science at the End of the 19th–20th Centuries*, vol. 3, Saint Petersburg, Nestor-History, p. 206–235. (In Russian)

6. Sorokina, M. Yu. (2017), “I.N. Golenishev-Kutuzof (1904–1969): toward the History of Return to the USSR” [I.N. Golenishhev-Kutuzov (1904–1969): k istorii vozvrashheniya v SSSR], *Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House*, 2017, Moscow, Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House, p. 114–128. (In Russian)

7. Sorokina, M. Yu. (2020), *Russian Scientific Diaspora: New Experimental Platform for the Russian Humanities?* [Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: novaya eksperimental'naya ploshhadka dlya otechestvennoj gumanitaristiki?], *Soviet Humanities. Dearms and Pragmatics in 1920–1950*, Moscow, RGGU, p. 14–30. (In Russian)

СОРОКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА — ведущий научный сотрудник, зав. отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, канд. ист. наук (msorokina61@gmail.com). Россия.